Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ТЕНЬ НАД РОЗОВЫМ КОТТЕДЖЕМ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Алекс Вестфорд

Тень над Розовым коттеджем

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Тень над Розовым коттеджем / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Февраль 1933 года. В Розовом коттедже умирает жилец, который отказывается покидать дом и ссылается на давнее обещание его покойного владельца. Инспектор Артур Уитмор и сержант Томас Рид приезжают в Хейзелби, где семейные договорённости значат больше произнесённых слов, а забота порой оставляет слишком мало места для собственной жизни. Два похожих аптечных флакона, старая фотография и письмо, которое так и не решились вручить, меняют смысл обычного домашнего дня. Чтобы раскрыть убийство, полицейским предстоит выяснить не только кто мог войти в комнату, но и почему пустая бутылка вновь оказалась у больного. Тем временем бумаги прежней хозяйки сохраняют следующий след исчезнувшей Элеоноры Вейл.

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Тень над Розовым коттеджем 5
Глава 1. Дом, который не освобождали 6
Глава 2. Два коричневых флакона 10
Глава 3. На правах гостя 14
Глава 4. Контора у моста 18
Глава 5. То, что осталось в бутылке 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алекс Вестфорд
Тень над Розовым коттеджем

Тень над Розовым коттеджем

Алекс Вестфорд

Глава 1. Дом, который не освобождали

К приезду Уитмора с ворот Розового коттеджа сняли табличку «Комната сдаётся». Она лежала в передней краской вниз, и Рид, посторонившись с чемоданчиком, едва не поставил на неё ногу.

— Не туда, — сказала женщина. — Я только что вымыла.

Он поднял чемоданчик. На полу действительно блестела узкая мокрая полоса, остальной коврик оставался сухим. Хозяйка посмотрела на его ботинки, потом на инспектора.

— Миссис Брамвелл. Мне сказали, вы собирались завтра.

— Инспектор Уитмор. Мы говорили по телефону в январе. Теперь другой повод.

— Я понимаю. Я не думала, что вы приехали смотреть шкафы в такой день.

Она отступила, пропуская их, и закрыла дверь. Порыв ветра успел поднять край лежавшей таблички. Рид перевернул её, прочёл и положил к стене надписью наружу.

— Комната была свободная? — спросил он.

— Верхняя. Не его.

Хозяйка ответила сразу. Ростом она была невелика, стояла очень прямо и обеими руками придерживала перед собой сложенный платок. На сером платье не оказалось ни пятна, ни нитки; только у запястья один крючок застегнули мимо петли. Уитмор смотрел на лицо, стараясь не переводить взгляд к этой маленькой неполадке.

За открытой дверью слева кто-то закашлялся. Женщина повернулась туда, словно собиралась сделать замечание, но передумала.

— Дойл здесь. Он всю ночь просидел.

Констебль вышел из столовой. Фуражку держал под мышкой, воротник рубашки был расстёгнут. Он поздоровался и показал на комнату справа.

— Мистер Мортон там. Слейд сейчас придёт, обещал к половине двенадцатого. Вы сначала со мной или с домашними?

— С вами.

Миссис Брамвелл поджала губы. Предложила чай. Уитмор поблагодарил и сказал, что позже. Хозяйка медленно кивнула, словно он отклонил не чай, а нужную часть порядка. Попросила не оставлять переднюю дверь открытой: в комнате наверху ещё топили.

В столовой было холоднее. На круглом столе стояли три чашки и тарелка с крошками; четвёртую чашку поставили отдельно возле бумаги констебля. Под стулом лежал женский шарф. Рид поднял его, хотел спросить, чей, и положил на спинку. Дойл с облегчением сел.

— Умер вчера вечером. Немного после семи. Доктор был. Меня вызвали ещё до этого, потому что он не был уверен, что это обычный желудочный приступ. Слейд хотел, чтобы сохранили лекарства и всё, что осталось после еды.

— Откуда у вас сомнение насчёт лекарств? — спросил Уитмор.

— От доктора. Я сам ничего не определял. Видел человека, которому очень плохо. Потом человека, которому уже не помочь. Между этим успел только узнать, кто здесь был.

Он потёр лицо обеими ладонями и извинился: не привык так разговаривать при старших. Уитмор попросил продолжать. Бумаги констебля выглядели лучше него самого — листы подписаны, время у каждого предмета отмечено, фамилии людей выписаны отдельно.

Пятница, третье февраля. Уитмор направлялся в Хейзелби ещё по декабрьскому запросу, но не этим утром. Местное письмо застало его уже после того, как он выписал себе субботу для поездки. Розовый коттедж больше не был только адресом на листе Элеоноры.

Первый ответ пришёл из Хейзелби вскоре после Рождества. В двадцать четвёртом Брамвеллы здесь не жили: Эдвин служил в другом городе, домом заведовала родственница, Лидия Грэм. Она принимала временных жильцов. Умерла три года назад, бумаги забрала её племян-

ница в Бристоль. В январе Дойл нашёл эту племянницу, послал новый запрос, сходил в коттедж и описал то, что ещё оставалось от прежней обстановки. Часть тетрадей не нашлась, часть хозяйка не хотела отдавать без подробного объяснения. Наконец договорились осмотреть вместе старый шкаф для белья — миссис Грэм иногда держала там переписку.

Теперь Дойл подвинул эту январскую папку к самому краю стола.

— Ваше дело я не бросал, инспектор. Просто вчера уже не до него.

— Вижу. Сейчас расскажите об Эдгаре Мортоне.

Жилец появился осенью, снимал переднюю комнату. Ему было пятьдесят восемь. Прежде работал с фотографиями, подкрашивал снимки, ездил с открытками по приморским лавкам. Последние годы, по его словам, зарабатывал понемногу. Задолженность за комнату началась почти сразу; хозяйка требовала освободить её, жилец отказывался. Показывал частное письмо покойного Эдвина Брамвелла и говорил, что может оставаться столько, сколько захочет.

— Вы это письмо видели?

— Видел снаружи. В руке у него было. Читать он мне не дал. Я приходил в январе по вашему запросу. Он решил, что по поводу выселения, сразу взялся за бумагу. Миссис Брамвелл велела ему не мешать.

— Вчера ссорились?

— Я ещё не собрал всё как следует. Сосед слышал голоса днём, но из своего сада не различил, кто говорил. В доме были хозяйка, племянница, приходящая женщина. Заходил мистер Ральф Брамвелл. Позже жених мисс Кин, мистер Уэллс. Вечером, когда я пришёл, все уже возле больного крутились.

Он перечислил их снова, теперь с тем, что успел записать о времени. Рид слушал, не стараясь немедленно разместить людей по минутам. У констебля ещё не было времени проверить половину ответов.

Дверь столовой открылась без стука. Вошла молодая женщина в тёмной юбке и синем шерстяном жакете. Волосы собраны на затылке; одну прядь она, вероятно, подрезала сама — слишком коротко и не с той стороны. Женщина увидела поднятый со стула шарф.

— Спасибо. Я весь дом обошла.

— Мисс Флора Кин? — спросил Дойл.

— Да. Вы же знаете.

Она сразу пожалела о резкости, но извиняться не стала. Взяла шарф, подержала и опять положила на стул.

— Я не собираюсь уходить. Только хотела найти. Тётя сказала, что вы здесь.

Инспектор представился. Флора посмотрела на его папку.

— Вы про женщину, которая здесь когда-то останавливалась? Или уже про Мортона?

— Сейчас про него.

— Он вам бы понравился. Чужим он всегда нравился.

Дойл поднял глаза. Флора продолжила, торопясь, пока её не остановили:

— Это не значит, будто я рада. Просто когда начнёте спрашивать, все скажут: такой любезный человек. Он умел. Даже когда денег занимал, можно было подумать, что одолжение делает он.

Уитмор спросил, как давно она его знала. С осени. До приезда в коттедж лично не встречались. Мортон говорил, что знал её дядю, иногда вспоминал покойную мать, но о ней говорили многие старые знакомые. Флора уже не помнила, кто действительно бывал в доме, а кто просто слышал имя Ганны.

— Тётя его тоже раньше знала?

— Не знаю. Она сказала, дядя с ним когда-то работал. Вы её спросите. Я так уже ошибалась: тётя говорит «мы», а потом выясняется, что это дядя и какой-то человек двадцать лет назад.

Она попыталась улыбнуться, но усталость оказалась заметнее. Уитмор спросил, была ли она дома вчера днём.

— В конторе работала. За лекарством ходила. Потом принесла и ушла обратно. Я напишу, когда. У нас книга прихода, и другие люди меня видели. Только не надо уже сейчас думать, будто я этим оправдываюсь. Констебль попросил вспомнить, я вспоминала всю ночь.

Рид предложил бумагу. Флора села, положила шарф на колени и спросила, нужен ли полный список её выходов или только вчера. Уитмор ответил: вчера, начиная с утра. Пусть пишет то, что сама помнит; документы проверят отдельно.

Хозяйка появилась с чайником, хотя им пока не требовался чай. Увидев племянницу за столом, остановилась.

— Флоре нужно отдохнуть. Она с ним до последнего сидела.

— Я полчаса назад лежала, тётя.

— Не спала.

— Если сяду сюда, тоже не засну. Хоть напишу.

Ада поставила чайник на подставку. На плечо племянницы положила ладонь. Флора продолжала смотреть в лист, затем аккуратно подвинулась вместе со стулом, и ладонь пришлось убрать.

— Она после вчерашнего не уехала, — сказала хозяйка инспектору. — Отменила всё.

— Я не уезжала, — поправила Флора. — Я собиралась вечером к Эндрю, а утром на работу. В город мы едем в воскресенье. Собирались ехать.

Уитмор спросил, кому принадлежит коттедж. Аде, после смерти мужа. Ральф Брамвелл помогает с денежными делами, но здесь не живёт. У Флоры наверху своя комната; Мортон занимал нижнюю справа. Питался иногда вместе с ними, иногда просил подать отдельно. Это его право, сказала хозяйка, хотя от словосочетания «его право» голос у неё стал суше.

— О письме вашего мужа поговорим позднее, — произнёс инспектор. — Сейчас я хотел бы посмотреть комнату.

Ада кивнула. Сразу взялась за дверь, но Дойл остановил её: лучше он сам. Женщина убрала руку. Прижала её к другой так сильно, что костяшки побелели.

В комнате Мортона пахло слабо протопленным камином, влажной шерстью и чем-то кислым, от чего Рид вспомнил больничный коридор. Окно приоткрыли сверху. Кровать была в глубине, за низкой ширмой. На столике возле неё лежали полотенце, пустой стакан и грелка; в ведре у умывальника ещё стояла вода. Кресло перед камином отодвинули, освобождая дорогу.

Эдгар Мортон лежал на спине под простынёй. Голова чуть повернулась к окну; волосы на виске прилипли. Уитмор посмотрел на лицо и подумал, что живым этот человек, вероятно, умел казаться моложе. Сейчас у губ собрались складки, которые никакой свет не убрал бы с фотографии.

Дойл показал, что успел закрыть и чего не трогал. Вещи на письменном столе оставались как были: коробка с красками, кисти, лупа, фотографии под стеклом. Отдельно лежал открытый конверт. Не выглядел ни вырванным из рук, ни старательно оставленным для полиции.

— Письмо, на которое он ссылался, где?

— Не нашёл. Я бумаги ночью не разбирал. Дверь держал закрытой, хозяйку пустил только взять ещё простыню, при мне.

Уитмор попросил составить полный перечень тех, кто входил после прихода констебля. Здесь ещё не знали, умер ли человек от болезни, от ошибки или от чьего-то действия, а комнаты начинали убирать по привычке раньше любого ответа. Коврик в передней уже вымыли.

На стуле у камина висел сюртук. Из внутреннего кармана выглядывал угол красной обложки. Рид записал положение, но не вытащил без инспектора. Уитмор сперва осмотрел открытое, потом вернулся к стулу. В кармане оказалась небольшая книжка с расходами и несколько листов, сложенных вдвое. Один начинался обращением к Эдвину.

Инспектор показал Дойлу. Констебль покачал головой:

— Не это. То было на толстой бумаге. И подпись Брамвелла внизу. Это, наверное, его собственное.

Листы описали. Уитмор не стал сейчас читать всё подряд над мёртвым человеком. Слейд уже пришёл — в передней послышался голос и тяжёлый стук сумки о стену.

— Опять туда поставили, — сказала хозяйка.

— Я помню, миссис Брамвелл. Сейчас уберу.

Врач вошёл, пожал руки полицейским и сразу спросил, удалось ли отправить сохранённое в город. Дойл ответил, что машина ждёт: хотел дождаться инспектора и закончить перечень вместе.

— У меня два флакона, — сказал констебль. — Не смешивал. Один вы мне дали, второй принесла миссис Данн. Оба описал отдельно.

Слейд кивнул.

— Тогда начнём с того, что мы действительно знаем.

Он открыл сумку, поискал очки и обнаружил их у себя на переносице. Не улыбнулся. Поправил и попросил закрыть за собой дверь.

Глава 2. Два коричневых флакона

Слейд положил на стол записную книжку, но пальто снимать не стал. Сказал, что оставил в приёмной человека с больным ухом: тот приехал издалека и теперь непременно дождётся, сколько бы времени ни понадобилось остальным.

— Поэтому я не буду долго рассказывать вам про свою занятость. Вчера в этом доме умер человек с острым тяжёлым расстройством. Я не удовлетворён объяснением, что он просто съел что-то испорченное.

— Почему? — спросил Уитмор.

Врач рассказал о болях, рвоте, быстро нараставшей слабости. Отвечая на вопросы, Мортон оставался в сознании, сердился и просил убрать из комнаты всех, кто мешает. О том, как помогали, Слейд говорил коротко. Когда дошёл до последних минут, замолчал и перевернул страницу, хотя на ней ещё оставалось место.

— Эти признаки бывают не от одного вещества и не от одного заболевания. Я не могу назвать яд, посмотрев на покойного. Но обстоятельства требуют исследования. Я это сказал констеблю вчера.

— Во сколько вас вызвали?

— За мной пришёл мистер Уэллс. Я приехал около двадцати минут шестого, время после отметил. Когда началось недомогание, пока спрашивайте у домашних. Больной отвечал отрывками. Говорил, что после обеда, потом — что уже за обедом было нехорошо.

Слейд раньше видел Мортона в январе. Тот жаловался на пищеварение, плохо спал, хотел, чтобы врач дал что-нибудь быстро действующее, но менять привычки не собирался. Особенно злился, когда Слейд спрашивал, что и когда он ест. Врач выписал микстуру. Мортон обещал соблюдать указания, а через минуту спросил, не поможет ли она заодно от боли в спине.

— Я отдельно сказал, что это не средство от всего, — добавил доктор. — Не знаю, услышал ли.

Рид спросил, мог ли он принять слишком много. Врач ответил, что эту возможность проверят, как и состав самого лекарства. Подменять проверку привычной фразой о неосторожном пациенте он не хотел.

— Он сообщил вам, сколько выпил?

— Сначала сказал, что как велено. Потом отмахнулся. Миссис Брамвелл уверяла, что принимал обычное лекарство. Племянница принесла новое из аптеки днём. Где стояли бутылки раньше, я не видел.

Дойл вынул из закрытого ящика два отдельных пакета. Уитмор сперва посмотрел записи констебля: кто передал, когда, в чьём присутствии упаковано. На первом значилось, что флакон получен от доктора вечером; на втором — от Бесс Данн позднее, уже после прибытия Дойла. Сосуды не мыли, остатки не переливали.

Коричневые бутылочки оказались похожими, с плоскими боками и коротким горлышком. На обеих аптечная этикетка с синей рамкой. На одной бумага лежала ровно, у другой отставал нижний угол и потемнел край. Надпись «Мистеру Э. Мортону» повторялась. Даты различались: двадцать шестое января и второе февраля.

Слейд указал на свежую этикетку.

— Эту дала мне миссис Брамвелл. Я спросил, что он пил, она принесла из ящика возле кровати. Я сохранил. Взял также стакан и ложку, которыми, по её словам, пользовался больной. Констеблю передал всё отдельно.

— А эту вы прежде не видели?

— Старую? Нет. Когда принесли, я уже занимался телом. Решил, что тоже нужно сохранить. Может быть, действительно допивал прежнюю. Миссис Данн говорила о старых бутылках, но я слушал не всё. Пусть сама повторит.

В свежем флаконе оставалась жидкость. Старый казался пустым, однако на дне и стенках держались следы. Рид наклонился, чтобы прочесть дату, и отступил. Дойл уже собирался снова закрыть пакет.

— Аптекарь здесь?

— Лавка у моста, — сказал констебль. — Нэш. Я вчера велел ему сохранить всё, что осталось от изготовления микстуры, и записи. Не говорил, будто он что-то напутал. Если больного спрашивают, что принимал, до аптеки всё равно дойдём.

Уитмор кивнул и дописал, что материалы нужно отправить без промедления. За дверью ждал водитель. Сержант вышел к нему, объяснил, кому передать и почему нельзя оставлять ящик у случайного дежурного. Вернулся с распиской о приёме пакетов. Слейд подписал собственный перечень и попросил сообщить о результате непосредственно ему.

На вопрос о еде он ответил, что известное нужно сохранить и записать, кто ел то же. Не объявлять каждую тарелку опасной и не пробовать на вкус остатки. Рид подумал, что запрет вроде бы очевиден, но наверняка произнесён не из любви к лишним словам.

Врач пошёл в переднюю. Миссис Брамвелл тут же спросила, когда можно унести тело. Слейд напомнил, что теперь потребуется исследование. Она слушала неподвижно, только платок в её руках свернулся в тугой жгут.

— Я не хочу, чтобы он ещё и после смерти занимал весь дом, — произнесла она. — Простите. Это отвратительно звучит. Но Флора не спала, Бесс боится зайти, а вы говорите — пока оставьте.

— Не оставим надолго, — сказал врач. — Сейчас согласуем перевозку. Только сначала нужно соблюсти порядок.

— Порядок у нас был до его приезда.

Она отвернулась к вешалке, сняла со свободного крючка шапку и положила на полочку. Никто не просил. Слейд, проходя, не стал снова просить её успокоиться. Дойл вышел вслед за ним, оставив дверь в комнату Мортона под наблюдением.

Бесс Данн жила неподалёку. За ней послали, и она пришла с верхней пуговицей пальто, оторванной вместе с ниткой. По дороге зацепила калитку, теперь держала пуговицу в кулаке, не желая потерять. Рид нашёл ей маленький конверт.

— Спасибо. Я потом сама пришью. Мне госпожа сказала, что вы хотите про вчера. Только я сразу скажу: бельё я не кипятила. Доктор велел отставить, я отставила.

Её проводили в столовую. Она села на тот стул, который первым попался, заметила, что рядом лежит хозяйкин платок, и передвинулась. Уитмор спросил, почему принесла констеблю старый флакон.

— Он спросил, что ещё осталось из-под лекарства. Я показала коробку. У нас пустая посуда туда. Я её вчера вечером ставила в кладовую, чтобы утром увезти. Бутылочка была сверху, не надо даже искать.

— Из комнаты Мортона вы её взяли?

— Не при мне её вынесли. Я днём в кухне работала, ходила к прачке. Флора принесла из аптеки пакет. Потом мистер Мортон стал жаловаться. Не сразу при мне — я вернулась, он уже звал. Дальше больше вёдра носила, чем рассматривала, что где.

— Кто мог положить флакон в коробку?

— Кто угодно из дома. Она под кухонным окном стоит. Я и хозяйка, Флора, сам он. Мистер Ральф тоже проходит, когда не хочет через переднюю. Я вам не стану выбирать, лишь бы ответить.

Она раскрыла кулак, вспомнила о пуговице и поправила на столе пустой конверт. Рид указал на него. Бесс наконец положила пуговицу внутрь и, кажется, освободилась для разговора.

К этому дому приходила четыре дня в неделю, обычно с утра. В четверг задержалась: готовили бельё, разбирали старую посуду и собирались пригласить человека посмотреть, не течёт ли желоб у садовой комнаты. Ада жаловалась на сырость, Мортон отвечал, что её покойный муж никогда бы не сдал ему такую комнату. Покойный муж в последние недели участвовал в каждом хозяйственном споре, хотя возразить ему никто уже не мог.

— Мистер Мортон ходил в кухню?

— Ещё как. Особенно если я что-нибудь пекла. Стоит, разговаривает, я через него к плите не проберусь. Себе платок купил — показывает. А у меня кастрюля убегает. Он думает, это работа у меня между разговорами, а не наоборот.

— Вам платил за отдельную работу?

— Иногда. Я рубашки ему сдавала вместе со своими, если просил. Он за это платил. Не каждый раз вовремя, зато не говорил, будто я должна и так, раз комнату убираю.

Она помолчала и добавила:

— Я его не ненавидела. Чтобы у вас не получилось, будто весь дом счастлив теперь. Человек мог быть неприятный, это ещё не всё о нём.

Уитмор попросил отдельно перечислить, что осталось с обеда. Бесс назвала блюда, кому что положили, кто отказался. Сама ела в кухне. Мортон получил ту же еду, что хозяйка, но хлеб и приправы держал у себя. По вечерам иногда пил принесённое из лавки; в четверг, насколько она знала, не покупал. Констебль в другой комнате уже описывал то, что нашёл.

— Бутылку вы точно не мыли?

Бесс покачала головой.

— Вчера не мыла. Там и так посуды с больным хватило. Пришла собирать, доктор говорит — не трогайте. Флора мне всё передала. Я сама к нему не лезла.

В ответе прозвучало что-то, за что Рид зацепился, но инспектор уже спросил о проходе из кухни в кладовую. Сержант записал слова дословно и оставил возле них свободное место.

После разговора Бесс попросила разрешения забрать корзину, оставленную в кухне. Миссис Брамвелл вышла показать, где она. Уитмор попросил пока ничего не выносить из сохранённой посуды. Бесс ответила, что в корзине её вязание, и открыла крышку прямо в передней: клубок, спицы, наполовину готовый рукав, бумажный пакет с печеньем.

Хозяйка увидела пакет.

— Не нужно есть в комнатах, Бесс. Будет крошиться.

— Я в этих комнатах и не ела.

— Я вообще говорю.

Бесс закрыла корзину. У неё дрогнули губы; Рид уже ожидал резкого ответа, но она лишь спросила, требуется ли прийти вечером. Ада сказала: если полиция не против. Получилось, будто решение о пустом доме снова принимали за неё.

Флора до сих пор сидела в столовой над листом. Записала почти страницу, затем исчертила оборот небольшими прямоугольниками. Рид увидел, как она торопливо перевернула бумагу.

— Я не порчу вашу запись, — сказала она. — Просто когда жду, руки сами.

На обороте были окна. Два больших, одно маленькое под самой крышей. В маленьком она успела нарисовать занавеску.

Уитмор прочёл её время. Контору, аптеку, возвращение домой и новый уход. Спросил, почему заносила лекарство сама, а не попросила аптекаря прислать.

— Шла мимо. Тётя сказала, раз всё равно в контору через мост, нужно забрать. Мистер Мортон заказал заранее. Ничего необычного.

— Кому отдали пакет?

— Тёте. На кухонном столе оставила, она рядом была. Сразу сказала, чтобы я вытерла снег с подола. Там было нечто вроде снега. С дождём. Потом я пошла переодевать чулки, пообедала и обратно.

— Его самого видели?

— Мельком. В дверях. Сказал, я зря бегала, ещё прежнее не кончилось.

Уитмор поднял глаза.

— Именно так сказал?

— «Зря спешили, у меня старое ещё есть». А потом тётя спросила про подол. Я уже на неё смотрела.

Рид поставил отметку рядом с ответом Бесс. Не сделал никакого вывода вслух. Два флакона уже уехали в разных пакетах. Теперь нужно было выяснить, что каждый из них делал в доме прежде, чем попал в эти пакеты.

Глава 3. На правах гостя

Ральф Брамвелл появился, когда из дома выносили закрытые ящики с сохранённой посудой. Пропустил одного полицейского, другому придержал калитку, потом сказал Дойлу, что не ожидал увидеть здесь весь приход на колёсах.

— Это не весь приход, — ответил констебль. — Двое из города. Я просил.

— Я образно, Сэмюэл.

— А они с ящиками. Дайте пройти.

Ральф уступил дорогу и, проходя в переднюю, вытер ноги так основательно, что хозяйка не смогла сделать ему замечание. Пальто повесил на свободный крючок. Увидел, что висит слишком близко к чужому, передвинул.

Высокий, с тяжёлой нижней челюстью и выгоревшими усами, он выглядел человеком, которого постоянно считают старше, чем он есть. Уитмор представился. Брамвелл пожал руку, сообщил, что они однажды встречались на разбирательстве о границе выгона. Инспектор не вспомнил, и Ральф заметно потерял к нему часть интереса.

— Я брат покойного хозяина. Ада моя невестка. Помогаю с домом. Насколько могу помочь, когда здесь происходит такое.

— Вчера вы приходили?

— Да. Днём по делам, вечером с Эндрю. Он за врачом ездил. Я хотел посмотреть, не нужен ли ещё кто. Всё, что нужно, оказалось уже занято людьми.

Рид попросил назвать, какие были дела днём. Брамвелл посмотрел в сторону столовой, где сидела Флора.

— Я не хотел бы обсуждать договорённости при ней.

— Я могу уйти, — сказала девушка.

— Не в том смысле, Флора.

— А в каком?

Он поджал губы. Инспектор предложил садовую комнату. Хозяйка сначала сказала, что там не топили, затем разрешила, если ненадолго. Ральф взял со стула портфель и пошёл следом. Флора осталась у окна, глядя на мокрый след, который один из ящиков оставил на ступеньке.

В садовой комнате стоял широкий стол. На половине лежали раскрашенные карточки: мост, мельница, цветочная клумба, надпись с названием гостиницы. На другой половине держали банки и пустые цветочные горшки. Ральф осторожно снял с края стула папку, поставил вертикально возле стола.

— Это Флоры работа. У неё хорошо выходит. Она думает, я не понимаю, но в конторе всегда беру её открытки, когда нужно послать клиенту что-нибудь приличное.

— Она работает у вас?

— В нашем агентстве. Не у меня дома. И получает обычную плату, если вы об этом.

Уитмор ещё не успел подумать об этом, но записал. Ральф сел, закинул одну ногу на другую и долго устраивал портфель на коленях. Внутри что-то мешало застёжке.

Он пришёл в четверг поговорить об освобождении передней комнаты. Ада хотела её вернуть. Флора собиралась замуж; до свадьбы думали кое-что переделать, чтобы супруги могли некоторое время жить здесь отдельно, не входя в кухню через весь дом. Самого Мортона уже попросили съехать. Он отказался и потребовал передать вопрос поверенному.

— Покойник был в своём праве, раз хотел, чтобы бумагу посмотрели, — сказал Ральф. — Я этого не отрицаю. Но видеть в нём обманутого жильца тоже не нужно. Он специально говорил так, чтобы Ада выглядела жестокой женщиной, которая выгоняет больного на улицу.

— Почему вы считали, что он должен освободить комнату?

— Потому что её снимал. Денег не платил, хозяйке мешал. Договориться не хотел. Письмо Эдвина — это письмо, а не разрешение захватить дом.

— Покажете?

Ральф отодвинул портфель.

— Оно у него. Я принёс копию переписки с поверенным, если требуется. Ада мне говорила, он держит своё письмо под замком.

В письменном столе Мортона действительно оказался небольшой закрытый ящик. Ключ нашёлся в сюртуке вместе с книжкой. Уитмор открыл в присутствии Дойла и хозяев, составивших перечень вещей, к которым прикасались. Внутри были деньги, паспорт, несколько писем и фотография молодой женщины в светлой блузке. Рид отметил всё отдельно, не давая Ральфу сразу взять верхний лист.

Женщина на фотографии сидела возле кустов, щурясь от солнца. Одной рукой держала на коленях шляпу, другой пыталась убрать волосы от лица. Снимок был не из тех, которые ставят перед камерой и терпеливо ждут. Ральф посмотрел, но промолчал.

Письмо Эдвина лежало под ним. На толстой бумаге, как запомнил Дойл. Датировано восемнадцатым годом. Автор подтверждал, что не отказывается от прежнего обещания: если Мортон вернётся в Англию и ему понадобится пристанище, передняя комната в коттедже будет к его услугам. О дальнейших условиях намеревался говорить лично. В конце упоминались общие знакомые и плохая дорога.

— Он показывал только первую часть, — сказал Ральф. — Очень удобно. «К вашим услугам». Дальше ему уже неинтересно.

Ада стояла возле кровати, за ширмой, не подходя к письменному столу. Уитмор спросил, узнаёт ли она письмо мужа. Узнавала. Знала, что оно существует, но видела не сразу после приезда Мортона. Тот вынул его, когда разговор о плате перестал устраивать обе стороны.

— Эдвин часто обещал людям помощь, — сказала она. — Ему не приходилось потом каждый день на неё смотреть. Он работал, уходил. Дома оставалась я.

— О каких дальнейших условиях он писал?

— Не знаю. Пожалуйста, не спрашивайте меня, что умерший человек хотел сказать другому умершему. Я не могу отвечать за обоих.

Ральф шумно выдохнул через нос. Уитмор посмотрел на него, и тот отвёл глаза. Письмо передали для съёмки и проверки, не объявляя по нему окончательного решения о правах на дом. Инспектор расследовал смерть; спор о комнате имел значение для отношений людей, но не делал его судьёй по каждому их обещанию.

Фотографию Ада узнала тоже.

— Ганна. Моя сестра. Мать Флоры.

— Знаете, почему снимок был у Мортона?

— Эдвин мог дать. Не помню. Он знал нашу семью давно.

Она сказала это спокойнее прежних ответов. Ральф поправил лежавший край простыни, хотя ничего под ним не открывалось. Потом спросил, закончили ли полицейские с ящиком. Уитмор ответил, что пока нет.

Ральфу пришлось вынести портфель обратно в садовую комнату. Там они продолжили разговор уже без хозяйки. Брамвелл рассказал, что раньше занимался с Эдвином разными земельными делами, после смерти брата помогал вдове. Дом был теснее, чем представлялось по названию «коттедж»: достаточно большой, чтобы оплачивать лишний ремонт, и недостаточно большой, чтобы жить рядом с человеком, которого не выносишь.

— Вы поссорились с ним в четверг?

— Спорили. Он позволял себе замечания о Флоре. Эндрю это не нравилось. Мне тоже.

— Какие замечания?

— Что её не следует так торопить со свадьбой. Что она ещё может выбрать. Представьте, при нас сидит посторонний человек, которому мы ищем комнату в другом месте, и рассуждает о выборе нашей девочки.

— Ей двадцать восемь, — сказал Рид.

Ральф посмотрел на него так, будто сержант исправил опечатку в чужой семейной Библии.

— Я знаю, сколько ей лет. Она всё равно наша. Мортон говорил это не ради её пользы. Хотел опять сделать неприятно Аде.

После разговора Ральф предложил отвезти племянницу к себе, пока в доме работают полицейские. Флора отказалась. Он начал объяснять, что дома у них спокойнее, и осёкся: на столе перед ней лежали бумаги, приготовленные для Уитмора, а шарф так и не был надет.

— Я могу хотя бы пообедать здесь? — спросил он у невестки.

Ада ответила, что найдётся. В голосе послышалось облегчение: наконец попросили о чём-то, что зависело от неё.

К трём Уитмор отправил первые записи в управление. Дойлу велел пойти поесть и найти смену, а самому лечь на час. Констебль возражал, пока инспектор не напомнил: завтра ему понадобится человек, помнящий не только то, что слышал в доме, но и то, что сам написал этой ночью. После этого Дойл согласился.

Флора принесла в столовую письма по январскому запросу. Они лежали у Ады вместе с домашними счетами. На верхнем конверте было имя Лидии Грэм, зачёркнутое прежним почтальоном, и новый адрес, по которому письмо ушло искать её родственников.

— Это вам не нужно отдавать обратно завтра, — сказала девушка. — Вы можете сейчас посмотреть. Только тётю предупредите, что я взяла. А то она решит, будто я у неё прячу.

Уитмор прочёл перечень, присланный из Бристоля. Эвелин Пайк нашла не журнал всех постояльцев, а несколько тетрадей расходов и отдельные квитанции. Полные имена встречались редко. То, что относилось к Хейзелби, она собиралась передать для осмотра через местного полицейского. О письмах из Блэквуда пока не знала. В копии одной страницы за ноябрь двадцать четвёртого значилось: «Верхняя, две женщины; бельё сменить перед отъездом». Ни Вейл, ни другой фамилии рядом не было.

Эту копию инспектор уже видел в январе. Положил обратно. Ещё раз проверить шкаф значило проверить последнее известное место, а не ждать, что бумага при повторном чтении назовёт кого-то сама.

— Я тогда здесь не жила, — сказала Флора. — Мне было двадцать. Дядю перевели ещё за два года до этого, мы уехали вместе. Потом вернулись. Вы меня всё равно спрашиваете, как будто я могу вспомнить чужих людей из чужой комнаты.

— Вы можете знать, что вернулось в дом вместе с вещами миссис Грэм.

Флора задумалась. Назвала два сундука, скатерти, маленькие весы, на которых Лидия пыталась взвешивать варенье. Весы стояли в кладовой. Про письма не знала. Предложила показать верхнюю комнату, когда уберут всё, что нужно полиции.

— Я свою дверь запру, — добавила она. — Это можно? Там мои рисунки и письма. Я не хочу, чтобы Ральф, пока ждёт обеда, принялся опять наводить порядок.

Уитмор ответил, что её комнату никто не просил оставлять открытой. Если понадобится осмотр, поговорят отдельно. Флора вынула ключ из кармана и впервые за всё время посмотрела на него без раздражения.

Когда она ушла, Рид перелистнул свою запись разговора с Бесс. Затем попросил хозяйку позвать её снова. Ада сказала, что женщина должна была зайти к вечеру; раньше придётся ждать. Сержант предложил сам дойти до её дома, и хозяйка нехотя показала дорогу.

Миссис Данн нашлась у себя, за маленьким столом возле окна. Пришивала пуговицу к пальто, положив рядом пустой полицейский конверт. Увидев Рида, спрятала конверт под коробку, словно он был не бумагой, а знаком слишком близкого знакомства с участком.

— Что я забыла?

— Вы сказали, что вчера не мыли флакон. А раньше?

Она оставила иголку в ткани.

— В среду. Что же я с ним буду каждый день? Собрала старые бутылки, ополоснула и сложила. Он пустой был.

— Из комнаты мистера Мортона?

— Да. Я как раз у него убирала. Он утром ушёл к фотографу на площади, просил не трогать стол. Флакон на тумбочке стоял. Я спросила, пустой ли, он сказал, забирайте, новый закажу. Принесла в кухню, на свет посмотрела. Пустой. Не так, чтобы там остаток плескался.

Рид попросил рассказать по порядку, куда положила потом. Бесс показала руками, словно коробка стояла сейчас под её собственным окном. Сначала в миску с остальными бутылками. Затем на полку стекать. Потом в деревянную коробку для возврата. Она ещё ходила к почте, когда вернулась, посуда уже высохла. Хозяйка попросила не оставлять миску на столе.

— Это точно была среда?

— Я по средам в другом доме полы мою после обеда. У Брамвелл прихожу раньше. Ничего необычного не было. Если бы вы не стали спрашивать, я бы и думать про это не начала.

— Миссис Брамвелл видела флакон?

— Видела всю посуду. Я сказала, мистер Мортон опять недоволен, что новое не принесли, а он старое уже кончил. Она ответила, Нэш лучше знает, когда будет готово. Я помню, потому что не поняла, чего ей сердиться на аптекаря, который сам ничего не обещал.

Сержант записал. Бесс спросила, из-за этого ли теперь говорят об отравлении. Он ответил, что пока проверяют, что принимал больной. Она потянулась к иголке, но работать не продолжила.

— А вчера сказал, ещё старое есть, — произнесла она. — Флора передала, когда из аптеки вернулась. Я подумала, опять сам забыл, что мне отдал.

Рид спросил, чем отличалась старая бутылочка от других. Бесс вспомнила отставший край бумажки. Новую в четверг принесла Флора в бумаге; её Бесс видела снаружи. На том, что обе переданные полиции бутылки были именно двумя известными ей, она согласилась бы настаивать только после повторного осмотра. Но пустой флакон из комнаты она забирала — это помнила без фотографий.

Вернувшись, сержант застал Уитмора у ворот. Из дома только что уехали с телом. Ада стояла в передней, не выходя, Ральф помогал закрыть дверь. Флоры не было видно.

Рид рассказал о среде. Инспектор выслушал и спросил, где сейчас коробка для посуды.

— В кладовой. Дойл закрыл и описал. Старую бутылку уже отдал отдельно.

— В остальном содержимом есть что-нибудь ещё с той же этикеткой?

— Нужно посмотреть.

Они вернулись в дом. Бесс не сказала, кто поставил старый флакон к больному, и лаборатория ещё ничего им не сообщила. Но Мортон в четверг говорил об остатке там, где накануне уже ничего не осталось. Уитмор попросил ключ от кладовой. На этот раз Ада дала его сразу, вместе со всей связкой.

Глава 4. Контора у моста

У аптекаря пахло мылом и мокрой шерстью. В углу стояла собака с перевязанной лапой. На прилавок её не пускали, но хозяйка уже трижды пыталась поднять передние ноги повыше, показывая, что именно выписал ветеринар.

Альберт Нэш терпеливо повторил, что собака здесь ни в чём не виновата, однако на прилавке лежат свёртки для людей. Женщина обиделась за собаку. Рид придержал дверь, пока обе выходили; животное остановилось у самого порога и не хотело переступать через мокрую решётку.

— Такие всегда знают, где больнее будет, — сказал Нэш. — А хозяйка считает, что упрямится.

Он взглянул на удостоверение Уитмора и снял фартук. Под ним оказался ещё один, тоньше, на котором виднелось маленькое пятно. Аптекарь посмотрел на него, вздохнул и оставил как было.

— Мне Дойл вчера велел ничего не выливать и не выбрасывать. Я сохранил. Пройдёмте назад, здесь будут входить, а я не хочу через каждые две минуты прерываться на чью-нибудь зубную боль.

В задней комнате было тесно. Нэш освободил два табурета, сняв с одного коробку, с другого собственный обед в бумаге. На стене висел календарь с рекламой средства от простуды. Старый январский лист не оторвали; Нэш заметил взгляд инспектора и поспешно сделал это. Бумага хрустнула у самых лиц.

— Третье февраля, — произнёс он. — Я знаю. Просто не до календаря.

Рид достал копии сведений с двух этикеток, не раскладывая перед аптекарем все показания. Нэш прочёл имя, даты и объяснил, что микстуру приготовили по назначению Слейда. Прежнюю порцию выдавал в конце января. В четверг сделали свежую, забрала мисс Кин.

— Та же смесь?

— По тому же назначению. Запись здесь. И вот что доктор написал.

Уитмор сравнил листы. Нэш показывал, где отмечена выдача, кто работал за прилавком и где хранятся вещества, которыми пользовались. Некоторые сосуды оставались начатыми; другие были из уже открытого запаса. Всё это после звонка констебля он отставил и подписал. Обещать отдельный контрольный образец точно той порции, которую отпустили двадцать шестого, не мог: такого образца у него не было.

— Вы думаете, я отдал ему яд? — спросил он наконец.

— Я хочу проверить лекарство и его происхождение.

— Но вопрос-то всё равно об этом.

— В том числе.

Нэш сел на край свободной ступеньки у шкафа. Табуреты уже заняли полицейские. Он посмотрел на свои руки и спрятал одну под фартук.

— Я сам буду думать об этом, пока не узнаю. Могу сколько угодно уверять вас, что всё делал как положено. Но если человек умер и пил моё лекарство, я буду думать. Только запишите: то, что я испугался, не значит, будто вспомнил ошибку.

Уитмор предложил ему рассказать, что помнит о выдаче. Мисс Кин пришла перед обедом. В лавке находилась ещё одна покупательница; помощник ушёл заносить заказ на почту. Нэш подал свёрток, девушка уточнила, надо ли сразу отдавать больному. Он ответил, что следует выполнять назначение врача, а не уговаривать человека пить просто потому, что бутылка новая. Ей показалось смешно. Сказала, это как раз не придётся: мистер Мортон любит заканчивать старое, даже когда ему уже принесли другое.

— Её слова вы помните точно?

— Смысл. Мы не произносили речь. Она торопилась. Я спросил, не поставить ли на общий счёт дома, она сказала, мистер Мортон просил на его собственный. У них там всё считается до того, как договорятся, кто считает.

— Он платил вам?

— За первую порцию заплатил. За вторую пока нет. Но это не то же самое, что не платить вообще.

Нэш говорил с обычной мелкой обидой торговца, который должен защищать даже неприятного покупателя, если о том судят по чужим долгам. Рид записал имя помощника и фамилию женщины, присутствовавшей при выдаче. Аптекарь попросил не говорить ей заранее, что нужно подтверждать его слова: она будет стараться помочь и напутает больше.

— Пустые бутылки вы принимаете? — спросил сержант.

— Приносят. Я их не ставлю прямо с улицы обратно на полку с готовым. Вы про коробку у Брамвеллов? Бесс заносит разом, когда накопится. Иногда вместе с чужими, из другого дома.

— По пустой бутылке узнаете, что было внутри?

— По этикетке узнаю, что здесь выдавали. Что с ней делали потом, не узнаю. Хоть чернила держите, хоть цветок. Я прошу снимать старые бумажки, но люди ведь никогда не слышат ту половину просьбы, от которой им лишняя работа.

Нэш показал место для возвращаемой посуды. Рид посмотрел, не нашлось ли там ещё флакона с именем Мортона. Таких не было. Это не означало, что их не приносили раньше; аптекарь сам напомнил об этом, прежде чем инспектор успел спросить.

О ядовитых веществах Уитмор заговорил отдельно. В лавке они были, как и средства для хозяйства, с которыми приходилось обращаться осторожно. Нэш согласился показать записи об отпущенном и сохранить нужные страницы. Называть виновного по тому, что кто-нибудь когда-нибудь купил средство от вредителей, инспектор не собирался. Сначала требовалось узнать, что именно ищут в данном случае.

На улице уже зажгли фонари. За мостом вода двигалась тёмными широкими складками; на опоре, где летом останавливались мальчики, висела оборванная верёвка. Рид поглядел вниз и почувствовал, что с утра съел только дорожный бутерброд. Нэш пытался предложить им свой обед. Сержант отказался, увидев, как мало там осталось, и теперь пожалел о собственной вежливости.

Контора Брамвелла находилась напротив, на втором этаже над лавкой железных изделий. Ральф сам дал ключ от входа, но внутри ещё работала секретарша. Она поднялась при виде полицейских, поправила край лежавшей на столе бумаги и осталась стоять.

— Эмма Тейт. Мистер Брамвелл велел показать книгу, если придёте. Только я не понимаю, зачем вам наши земельные дела.

— Сейчас время работы мисс Кин, — сказал Рид.

Эмма села. На столе у неё стоял остывший чай с тонкой плёнкой. Она отодвинула чашку, достала книгу и развернула так, чтобы сержант мог читать.

Флора в четверг приходила утром, выходила к аптекарю и домой на обед, затем вернулась. Эмма помнила второй приход, потому что коллега переодела чулки и пожаловалась на мокрый снег. Сидели рядом, разбирали списки платежей. Позже Флора ушла раньше обычного: из коттеджа прислали, что жильцу плохо. Кто именно прислал, Эмма не знала, в переднюю вышла сама Флора.

— Я могла бы сказать вам точные часы по книге, — добавила она. — Но это мы пишем, не сторож с секундомером. Иногда после, если сразу не успели. Я не буду делать вид, будто смотрела на стрелку, когда она сняла шляпу.

Рид выписал то, что стояло в книге, отдельно отметил объяснение. Спросил и о среде. Работали обычный день, Флора не отсутствовала всё утро. На обед обе остались в конторе: шёл

дождь, Эмма принесла лишний хлеб. В котором часу Флора пришла с самого начала, свидетелей найдут у остальных столов.

Пока сержант писал, Уитмор рассматривал план помещения, который Флора набросала на свободном листе. Секретарша узнала рисунок.

— Она всё время окна рисует. У неё в новом доме обязательно должны быть два рядом. Не узкие, как в коттедже.

— В новом доме?

Эмма покраснела.

— Я не должна за неё говорить. Это не имеет отношения к лекарству.

— Мистер Брамвелл сказал, что собираются переустраивать коттедж для новобрачных.

— Мистер Брамвелл много чего собирается. Флора пока ни на что не соглашалась. Они с Эндрю смотрели другое жильё. Даже если первые месяцы придётся остаться у тёти, это не значит, что она собирается всю жизнь смотреть, кому не понравилась переставленная чашка.

Уитмор вернул рисунок. Не стал обещать секретарше, что семейство ни о чём не догадается. Только пояснил, что её предположения не запишут как слова Флоры. Эмма заметно расслабилась. Попросила не забыть: отсутствие коллеги сегодня разрешил сам Ральф; из её заработка вычитать не нужно.

Когда спустились, у лестницы стоял мужчина в потёртом кожаном пальто. На ботинках налипла солома. Он спросил, не инспектор ли перед ним, и представился Эндрю Уэллсом.

— Из дома направили сюда. Я хотел узнать, когда можно поговорить с Флорой без тёти. Мне всё время говорят, она отдыхает, а потом выясняется, что сидит у стола и отвечает вам.

Уитмор сказал, что сейчас никто не мешает ей выйти, если сама хочет. Уэллс потёр нос и посмотрел через мост.

— Хотеть тоже приходится с кем-то согласовывать. Простите. Я злюсь на других, а говорю вам.

Они остановились под козырьком лавки. Уэллс приехал из соседней деревни, где смотрел больную лошадь, спешил в коттедж. На вопросы ответил охотно до тех пор, пока не спросили о Мортоне. Тогда замолчал.

— Я с ним поссорился. Это вам уже сказали.

— Мы хотели бы услышать, что было сказано вам.

— Спросил, знаю ли я, какую девушку собираюсь брать в жёны. Вот такими словами, будто товар покупаю. Я ответил, что знаю её достаточно. Он сказал, что достаточно никто не знает, и рассмеялся. Потом Ада вошла и велела нам обоим прекратить. Обоим. Я к нему вообще первым не обращался.

— Он говорил о чём-то определённом?

— Нет. Если говорил, я не понял. Решил, что намекает на деньги. Или на то, что Флора работает у Ральфа и не хочет это бросать. Он любил сказать половину и смотреть, как человек сам другую придумает.

Уэллс признал, что предложение пожить в коттедже сперва показалось удобным. Начинал собственную практику, экономия пригодилась бы. Потом Флора сказала, что придётся экономить не только деньги, и объяснила, чего именно боится. Он не сразу согласился.

— Я думал, преувеличивает. Миссис Брамвелл со мной всегда очень любезна. Флора сказала: конечно, ты ведь пока приезжаешь на обед и уезжаешь. А потом мне нашлось место, где можно было снять две комнаты. Я и предложил посмотреть.

Рид спросил, знал ли об этом Мортон. Уэллс не знал. Сам не рассказывал. Флора могла. Дальше у неё нужно спрашивать отдельно, потому что жениху тоже не докладывают каждый разговор.

Он сказал это с досадой на себя, и Уитмор не стал продолжать за него. Договорились о подробной записи показаний утром. Уэллс пошёл через мост; несколько раз оглянулся, словно надеялся, что Флора выйдет ему навстречу без нового приглашения.

В гостинице «Серая цапля» полицейским дали две комнаты наверху. Хозяйка, миссис Уик, велела предупредить, если потребуется поздний ужин, и безо всяких вопросов принесла Риду хлеб, сыр и яблоко. Он собирался сказать, что они не просили, но голод оказался убедительнее.

Уитмор позвонил в управление, подтвердил отправку материалов, попросил сохранить все сопроводительные записи. Результатов ещё не было. Затем уточнил, на каком этапе бумаги миссис Грэм. Из Бристоля обещали передать очередную пачку через своих местных служащих, перечень уже готовили. Инспектор попросил отправить копию перечня сразу, не ожидая, пока найдут последнюю тетрадь.

Когда он вернулся от телефона, Рид разложил рядом записи Флоры, Бесс и Нэша. На одном листе стояло: «старое ещё есть», на другом — «забрала пустой в среду». Между ними лежал чистый угол бумаги.

— Если Бесс перепутала неделю, всё опять станет простым, — сказал сержант.

— Спросим у тех, где она мыла полы. И проверим остальные бутылки.

— Мне не кажется, что она придумала. Она не старалась придать этому значение.

Уитмор взял карандаш, но ничего не написал. Он тоже поверил женщине — ещё до того, как успел проверить. Отодвинул блюдце с яблочной кожурой, прочёл ответ заново.

— Завтра начнём с коробки, — сказал он. — Где она стояла и кто её трогал после уборки.

Рид сложил листы, оставив три источника рядом. Снизу ещё лежал рисунок окон, который Флора случайно сделала на обороте своих показаний. Сержант не стал его отрывать.

Глава 5. То, что осталось в бутылке

К утру вода в кувшине стала такой холодной, что Рид выругался, едва коснувшись её подбородком. Из соседней комнаты донёсся кашель инспектора. Сержант подумал, что мог бы выругаться потише, и подставил под струю вторую щёку.

Внизу миссис Уик распоряжалась завтраком. Маленький мальчик в слишком длинном фартуке нёс тарелки, придерживая их животом. При виде полицейских свернул к другому столу и едва не рассыпал ложки.

— Они не за тобой, — сказала хозяйка. — И вчера были не за тобой. Принеси ещё хлеба.

Мальчик посмотрел на Рида с обидой: тот услышал лишнее.

Уитмор нашёл на своём месте конверт из местного участка. Дойл передал сообщение от городской лаборатории: материалы получены, сосуды доставлены целыми. Остальных сведений не было. В конверте лежал и короткий перечень из Бристоля. Счета за уголь, две бельевые тетради, письма жильцов, коробка со старыми открытками. Эвелин Пайк обещала проверить коробку лично: пока не могла сказать, относится ли всё её содержимое к Лидии Грэм.

Инспектор сложил лист. Восемь лет назад он бы назвал это отсутствие ответа. Теперь фамилия человека, который согласился посмотреть коробку ещё раз, казалась ему некоторым продвижением.

В коттедже Бесс уже растопила плиту. Пришла в субботу вместо пропущенной пятничной работы и сразу объяснила Дойлу, что вторую половину дня обещала другому дому. Констебль выспался, побрился, принёс чистые листы; всё это Бесс одобрила одним взглядом и спросила, долго ли ещё коробка будет занимать кладовую.

— Пока не перепишем, что в ней, — сказал Рид.

— Тогда не пишите каждую банку до обеда. Там две одинаковые, из-под повидла. Я сама отдала, у меня крышки пропали.

Дойл расстелил на столе бумагу. Коробку перенесли из кладовой вдвоём, сохраняя положение вещей. Пустое место наверху, откуда констебль вынул бутылку Мортона, теперь занимала свёрнутая бумажная прокладка. Дойл показал её в записи: положил сам, чтобы стекло не завалилось в освободившийся промежуток.

Всего оставалось одиннадцать сосудов. Две банки Бесс; зелёная бутылка с остатком этикетки от соуса; несколько пустых аптечных флаконов; широкогорлая банка, в которой принесли мазь для рук Ады. Рид записывал названия так, как называла их Бесс, а Дойл — надписи, которые ещё можно было разобрать. С двумя сосудами хозяйка не была знакома: их оставила прачка, рассчитывая, что всё вместе отнесут Нэшу.

На одной коричневой бутылочке сохранилась половина фамилии. Уитмор придвинул её к свету. Дойл разобрал знакомую фамилию женщины с соседней улицы, не Мортона. У горлышка виднелся маленький скол.

— Не от этой ли вы помните отставшую бумагу? — спросил он.

Бесс забрала очки с кухонной полки, протёрла край фартуком и посмотрела.

— У этой бумага вовсе отмокла, с другой стороны. А у его один угол висел. Я собиралась содрать, потом руки заняла. Он ещё бурчал, что в аптеке бумагу клеят лучше лекарства.

— Когда бурчал?

— Не в среду. Раньше. Когда я пыль вытирала, бутылка к тряпке пристала.

Из городского описания достали снимок изъятого флакона. Сам сосуд оставался в лаборатории; Бесс это объяснили прежде, чем показать фотографию. Она узнала надпись, но нижний край не различила и попросила не торопить её с ответом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.